

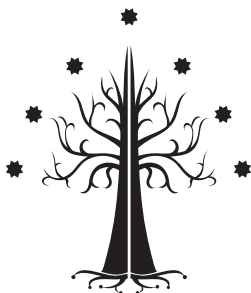
Джон Р.Р. Толкин

John R.R. Tolkien

The Lord
of the Rings

Джон Р.Р. Толкин

Властелин Колец

в переводе
В. Каррика, М. Каменкович

Издательство АСТ
Москва

Три кольца — высшим Эльфам под кровом светил,
Семь — властителям Иномов под кровом земли.
Девять — Смертным, чей жребий молчанье могил,
И одно — Повелителю зибельных сил
В царстве Мордора мрачном, где тени лежали.
Отыскать их, собрать их, предать их Ему,
Воедино сковать их и вверзнуть во тьму
В царстве Мордора мрачном, где тени лежали.

ПРЕДИСЛОВИЕ АНГЛИЙСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Приятно узнать, что, после долгих лет ожидания, на русском языке наконец выходит полный перевод «Властелина Колец». Книгу эту часто разделяют на три части, но это, конечно, единая история. И какая история! Дж. Р. Р. Толкин, профессор древнеанглийского языка и литературы, написал ее в Оксфорде между 1938 и 1954 годами, когда внешний мир подвергся великим потрясениям. Но толкинское Средьземелье не было навеяно современными событиями, и напрасно искать в книге Толкина каких-либо аналогий с ними. Уже давно, задолго до «Властелина», Толкин задался честолюбивой, почти донкихотской идеей — в одиночку создать для Англии ее собственную мифологию. Этот замысел он осуществил, и с небывалым размахом: результатом стало одно из сложнейших и наиболее многоплановых — из всех, когда-либо предпринятых — созданий творческого воображения, вобравшее в себя историю, географию, космогонию, языки и общественное устройство вымышленного автором мира.

Поначалу «Властелин Колец» должен был послужить продолжением имевшей успех детской книжки Толкина «Хоббит», но постоянно расширявшаяся выдуманная вселенная (позже ставшая известной по «Сильмариллиону») быстро поглотила новую повесть, и она заняла в этой вселенной свое место, став длинным, подробным и триумфальным рассказом о Третьей Эпохе Средьземелья.

Гениальность этой книги стала очевидна не сразу. Дело в том, что ее нельзя было подвести ни под одну из существующих категорий. Прежде всего, книга казалась читателям чересчур длин-

ной, и многие из них, наравне с критиками, предпочли отмахнуться от нее, кто сердито, кто снисходительно отказывая ей в праве называться серьезной литературой. Но отношение это постепенно изменилось (не в последнюю очередь благодаря энтузиазму молодых, непредубежденных читателей) — сперва в англоязычном мире, а затем и в других странах, когда книга была переведена на основные языки. Ежегодно с трилогией знакомятся многие миллионы людей, и ежегодно многие миллионы поддаются ее чарам. Эта книга рождает сильные чувства. По сию пору, однако, некоторым «Властелин» не по нраву, но большинство попадает в плен к рассказанной Толкином повести и возвращается к ней снова и снова, чтобы оживить в памяти эту книгу, ставшую для них учебником жизни.

Это книга нравственная, но в ней нет поучений. Это рассказ о подвигах и приключениях, о добре и зле, битвах и опустошениях, о домашнем уюте и простых радостях. Но, среди всего прочего, стрелка ее огромного компаса прежде всего указывает на достоинство и глубинный смысл самой жизни.

Желаю удачи!

Райнер Анвин

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Судьбы всемирно известных литературных сказок в России сложны и неисповедимы. Редко удастаиваются они перевода в собственном смысле этого слова; чаще всего они существуют в русском культурном пространстве в виде более или менее талантливых пересказов, в результате которых оригинал подчас изменяется до неузнаваемости. Так произошло с «Пиноккио», «Волшебником Страны Оз», «Алисой в Стране Чудес», «Винни-Пухом». Иногда в дело вмешивалась цензура, заставлявшая изменить смысловой стержень сказки, — подобная судьба постигла советские переводы книги «Удивительное путешествие Нильса с дикими гусями» и многих сказок Андерсена. Примеров так много, что поневоле возникает вопрос — нет ли на границе между европейской и русской словесностью какой-то странной преграды, преломляющей лучи света подобно воде? А может быть, разгадка этого феномена коренится глубже — в разнице характеров, в разнице ментальностей? Ведь еще Левша в свое время не удержался, чтобы не подковать аглицкую блоху...

Не избежали общей судьбы и книги Дж. Р. Р. Толкина, которые вышли в России сразу в нескольких переводах. Непростую жизнь им можно было предсказать загодя; так и получилось. Таинственная преграда, преломляющая лучи света и слова, породила сокращения, добавления, вольные пересказы, намеренные изменения и многое другое. Конечно, читатель все равно сказал переводчикам спасибо, и правильно сделал, — возможность познакомиться с Толкином хотя бы приблизительно уже многого стоит. Однако Толкин — автор непростой, и его трилогия «Властелин Колец», о которой здесь идет речь, является слишком

сложным и тонким организмом, чтобы привнесение в него изменений позволило бы ему функционировать, как если бы ничего не случилось. Это не детская сказка, не фантастика и не развлекательное чтение, хотя при случае может притвориться и тем, и другим, и третьим. Книга эта стоит особняком в литературе двадцатого столетия и требует к себе отношения уважительного. Ведь не приходит же никому в голову сокращать или переделывать Шекспира! И если шедевр мировой литературы принял обличье сказки, — обманываться не следует. Приступая к созданию цикла легенд, которые служат как бы фоном для эпической панорамы, развернутой во «Властелине Колец», Толкин планировал создать «мифологию для Англии», по образцу скандинавской; некоторые исследователи полагают, что вместо мифологии национальной Толкин создал «мифологию» для всего нашего столетия. «Властелин Колец» переведен на несколько десятков языков, и популярность его со временем только растет. Но возврата к языческому мифотворчеству для Толкина быть не могло, тем более что сам он всю жизнь оставался христианином в самом простом, церковно-традиционном смысле слова. В своем эссе «О волшебной сказке» он пишет, что человек, искупленный Христом от греха, способен создать новую, «искупленную» мифологию, «искупленную», христианскую сказку, свободную от темных сторон языческого мифа. Это и стало задачей его жизни — создание христианской сказки, свободной и самостоятельной, которая вобрала бы в себя материал языческих сказаний, но претворила бы его в нечто совершенно новое. Толкин считал, что человек, созданный по образу и подобию Творца, призван к свободному творчеству «малых» миров, хотя свободу эту человек может использовать и во зло: «создавая мифы, можно... натворить массу вреда, особенно если это входит в намерения автора», — писал он в письме к другу.

Как же создавалась эта «новая мифология»? Необычным способом — через посредство изобретенных Толкином языков. Лингвист, специалист по древнеанглийскому и древнеисландскому языкам, Толкин всю жизнь увлекался изобретением своих собственных языков, и, по его словам, настал момент, когда он почувствовал, что языки эти требуют для себя мира, в котором они могли бы существовать. Вселенная Толкина держится на этих языках, как земля на китах в представлении средневекового человека, — и, увы, именно языки в первую очередь и пострадали в русских переводах — значащие имена героев и названия мест

превратились в простую игру звуков, стихи из связного текста на выдуманном языке стали благозвучной бессмыслицей... и так далее. Один переводчик обошелся с языками лучше, другой — хуже, но никто не был последовательно верен оригиналу. Между тем в мире существует множество трудов, посвященных не только философской и литературной, но и лингвистической стороне «Властелина Колец»; в обществах исследователей Толкина, которых в мире немало, годами ведутся споры, как толковать ту или иную фразу, как перевести то или иное имя; издаются и учебники изобретенных языков... Да и помимо языков, сокращенные или измененные переводы исключают русского читателя из всемирного братства толкинистов — ведь у него перед глазами другой текст, зачастую и с другим подтекстом. Симптоматично, что вслед за первыми двумя переводами у нас широко распространилось неправильное произношение имени писателя — Толкие(э)н, хотя сам Толкин объяснял, что такое произношение этимологически некорректно, — фамилия это саксонская и происходит от старого немецкого слова «*tolkühn*», что означает «безрассудный смельчак». Между прочим, некоторые вольности и неточности, допущенные в прижизненных переводах «Властелина Колец» на языки, которые Толкин знал, вызвали у автора серьезные возражения и недовольство. Впоследствии он написал «Руководство к переводу имен», которое содержит подробные указания, как, что и почему следует в его книге переводить.

Именно эти причины и побудили нас к тому, чтобы создать перевод, который передавал бы оригинал по возможности более точно — не только по букве, но и по духу. Трудно сказать, насколько это нам удалось, — результат перед вами. Думается, что назрела необходимость познакомиться с Толкином «как он есть». Лет двадцать пять назад, когда вышел первый, вполнину сокращенный и неоконченный перевод А. Кистяковского и В. Муравьева, читатель не был избалован сегодняшним обилием литературы «фэнтези», выбор был невелик, многим хватало уже и того, что появилась возможность хотя бы глазком заглянуть в свободный и богатый, многоцветный и возвышенный мир Толкина, так непохожий на окружающую нас действительность. Сегодня ничто не мешает войти в этот мир и разобраться — что же автор хотел сказать на самом деле? Ведь чтение Толкина — это не просто «бегство от действительности» все равно куда; это способ взглянуть другими глазами на окружающий мир, увидеть в нем забытую красоту, сокровенную святость, глубинное благородство

и отделить настоящее от поддельного. Это чтение дает силы для дела, к которому призван каждый, — выражаясь словами волшебника Гэндальфа, мы посланы на землю для того, чтобы «вырвать корни зла на полях, по которым мы ходим»...

Предлагаемый читателю перевод снабжен относительно подробными комментариями, которые носят, конечно, лишь предварительный характер. Тем, кто знакомится с «Властелином Колец» впервые, мы советуем открыть комментарий не раньше, чем будет перевернута последняя страница последнего тома, поскольку комментарий может разрушить цельность впечатления; всякий комментарий вторичен по отношению к тексту, и, пожалуй, сам Толкин отнесся бы к идее постраничного комментария с иронией. Несмотря на тесную связь с древними сказаниями, языками, историей, литературой, философией и богословием, вселенная Толкина самостоятельна и несет свою ценность в себе самой. И древнеисландские саги, и поэзия средневекового Херфордшира, и писания короля Альфреда — лишь материал, которым пользуется автор, создавая свой собственный свободный мир, строя свою «башню», и, по словам Толкина, не так важны сами кирпичи, сколько то, что с вершины этой башни люди могут видеть далекое море...

В Англии, на родине Толкина, постраничного комментария к «Властелину Колец» не существует, ибо автору такого предприятия пришлось бы объединить в своей работе все последние достижения толкинистики, а это нелегко, да и не все материалы из архива Толкина к настоящему времени опубликованы, так что комментатор рисковал бы слишком быстро отстать от времени (научный комментарий издан отдельным томом: *The Lord of the Rings: A Reader's Companion* by Wayne G. Hammond, Christina Scull, 2005. — *Примеч. ред.*). Однако русскому читателю изданные на Западе материалы во многом недоступны и вряд ли будут доступны в ближайшее время, а познакомиться с ними хотя бы отчасти, право же, стоит, и в первую очередь с письмами Толкина, в которых содержится множество драгоценных замечаний по тексту «Властелина Колец» (издано в переводе С. Лихачевой, «Эксмо», 2004. — *Примеч. ред.*). Нельзя пройти мимо и основной книги английской толкинианы — книги профессора Т. Шиппи «Дорога в Средьземелье» (издано в переводе М. Каменкович, «Лимбус Пресс», 2003. — *Примеч. ред.*), написанной человеком,

который, будучи, как и сам Толкин, лингвистом и специалистом по древнеанглийской литературе, смог прояснить многие загадки трилогии. Кроме того, сыном Толкина Кристофером опубликован целый корпус томов, издаваемых на основе архива отца, — «Неоконченные сказания», «Потерянная дорога» и другие. Памятуя, что Толкин был глубоко верующим, «практикующим» католиком, мы позволяли себе привлекать в качестве философского комментария только тексты, принадлежащие христианской традиции. На Западе и у нас были предприняты попытки истолковать «Властелина Колец» в духе эзотерических учений, однако, как свидетельствует Кристофер Толкин, его отец никогда не интересовался ни теософией, ни оккультизмом, и в его библиотеке не было ни одной книги, посвященной этим предметам.

Мы приносим глубокую благодарность господину Кристоферу Толкину, оказавшему нам неоценимую помощь при разрешении некоторых лингвистических проблем, а также английскому издателю книг Толкина, господину Райнеру Анвину, предоставившему нам необходимые для работы материалы, в том числе «Руководство к переводу имен», и оказавшему нам поддержку в процессе подготовки перевода.

Мы приносим также благодарность И. Кучерову, сыгравшему для нас роль Радагаста — знатока трав, Р. Кабакову, исследователю творчества Толкина, а также Дэвиду Дагану, Кристине Скалл, Колину Дюрье, Лондонскому обществу толкинистов, Марку Хукеру, Л. Курбатовой, Н. Геда и всем остальным, кто волей судеб вошел в это «Содружество «Властелина Колец».

М. Каменкович

В. Каррик

ПРОЛОГ

1. О ХОББИТАХ

Эта книга рассказывает в основном о хоббитах, и читатель может узнать из нее многое о характере этого народа и кое-что о его истории. Продолжить знакомство можно, заглянув в Алую Книгу Западных Окраин, выдержки из которой уже были опубликованы под заглавием «Хоббит». Эта повесть берет исток в первых главах Алой Книги, которую написал сам Бильбо (первый хоббит, прославившийся за пределами своей страны, Заселья¹); он назвал ее «Туда и Обратно», так как повествуется в ней о его путешествии на Восток и возвращении домой: в результате этого приключения хоббиты оказались вовлечены в ключевые события описываемой Эпохи.

Однако найдутся, наверное, и такие читатели, которые с самого начала захотят узнать об этом замечательном народе побольше (и при этом, быть может, вообще не читали «Хоббита»). Для таких читателей ниже приводятся некоторые наиболее важные сведения о хоббитах, почерпнутые из их Предания, а также вкратце пересказывается первое приключение Бильбо.

Хоббиты — народец не очень приметный, но весьма древний и некогда довольно многочисленный, не то что в наши дни, — дело в том, что они любят тишину, покой и тучные, хорошо разработанные земли, поэтому обычно выбирают для житья местность, где можно содержать сельское хозяйство в образцовом порядке и вести его по всем правилам. Хоббиты косо смотрят (и всегда косо смотрели!) на механизмы сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы или примитивного ткацкого станка, хотя с инструментами обращаться умеют. И в прежние-то времена

хоббиты, как правило, старались не попадаться на глаза Большим (так они называют нас с вами), а в наши дни и вовсе от нас прячутся — да так ловко, что обнаружить их становится все труднее и труднее. У хоббитов острый слух и прекрасное зрение, и, хотя они склонны к полноте и не любят торопиться без особой нужды, двигаются они легко и проворно. Они изначально владели искусством мгновенно и без лишнего шума скрываться из виду, когда, скажем, им не хочется встречаться с великаном, грузно топающим навстречу; это умение они со временем довели до такого совершенства, что людям оно может показаться волшебным. Но на самом деле волшебством хоббиты никогда не занимались; просто они тесно связаны с природой и обычно достигают в своем искусстве высокого профессионализма, тем более что впитали его с молоком матери и шлифуют ежедневными упражнениями, так что другим народам, более громоздким и неуклюжим, за хоббитами в этом никогда не угнаться.

Ибо ростом хоббиты невелики — меньше гномов, хотя подчас уступают последним в росте совсем немного; к тому же они поплотней и не столь осанисты. Если мерить нашей меркой, то росту в хоббитах — от двух до четырех футов². Теперь они, правда, редко дотягивают и до трех: поговаривают, что, мол, вырождаются, а в прежние времена были-де повыше. Если верить Алой Книге, Бандобрас Тукк (Волынщик³), сын Исенгрима Второго, был ростом почти в пять футов и ездил верхом на лошади. Только два знаменитых хоббита на памяти хоббичьих хроник превзошли его, но об этом любопытном случае позже.

Что касается хоббитов Заселья, о которых у нас и пойдет речь, то следует сказать, что во времена своего процветания они были веселым народом. Носили яркую, цветную одежду⁴, предпочитая всем остальным цветам желтый и зеленый, а вот обувь пользовались редко, поскольку на ступнях кожа у них была как хорошие подметки, и на щиколотках у них росла густая вьющаяся шерстка — преимущественно темная, как и волосы на голове. Легко догадаться, что сапожное ремесло не пользовалось у хоббитов успехом. Не лишним будет отметить здесь, что пальцы у хоббитов длинные и ловкие, так что в Заселье процветали зато многие другие важные и весьма полезные ремесла. Лица у хоббитов были обычно не то чтобы красивые, но, как правило, довольно приятные: у них были ясные, широко посаженные глаза, румяные щеки — и большой рот, который годился не только для того, чтобы заразительно смеяться, но и для того, чтобы